

Г. W. J. Schelling, основатель трансцендентальной философии и спекулятивной физики, принялъ Бровнову идею болѣзни, распространивъ ее въ теорію общей жизни природы и основавши на ней построение законовъ бытія. Во всякомъ случаѣ учение Бровна выиграло много правильности формъ и объема въ философіи Шеллинга и послѣдователей его, но тѣмъ не менѣе она вполне основывается на положеніяхъ медицинской біологіи Бровна, на произвольныхъ законахъ органической жизни и на спекулятивной Телеологіи его. Чтобы скрыть это, Шеллингъ въ самомъ началѣ своего ученаго поприща высказалъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ свое мнѣніе о Бровнѣ, какъ Бровнъ о Fr. Hoffmann' т: «Er sei auf der niedrigsten Stufe des Lebens stehen geblieben und aus Verwechslung der erregenden Potenzen mit der positiven Ursache des Lebens lässt sich am natürlichsten das Crasse in Browns Vorstellung von dem Leben und das Crapulöse seines ganzen Systems erklären» ⁴⁹⁾.

Недѣлимое, говоритъ Шеллингъ ⁵⁰⁾, есть не иное что, какъ видимое выраженіе извѣстной пропорціи органическихъ силъ. Каждая организація состоитъ въ этой пропорціи (und wieder diesseits, noch jenseits derselben). Видъ и все отличительное изъ недѣлимого есть только выраженіе высшаго динамическаго отношенія; строеніе тѣла къ нему приспособлено, такъ что нарушеніе его ве-

детъ за собою измѣненіе въ строеніи. Определенность динамическаго отношенія въ организмъ допускаетъ идею извѣстнаго отступленія отъ правильности его. А такъ какъ все существованіе организма ограничено имъ, то эти отступленія несообразны съ существованіемъ цѣлаго продукта. По этому организація способна къ болѣзни. Организмъ не есть абсолютная дѣятельность, какъ мы представляемъ себѣ жизненную силу; это есть дѣятельность, основанная на воспріимчивости, — потому что существованіе организма не есть бытіе, а постоянное состояніе самовозрожденія (Reproduciren). Органическая дѣятельность истощилась бы въ ея продуктъ, — органическое существованіе обратилось бы въ бытіе, еслибы наружныя вліянія этому не препятствовали и не побуждали бы органическое къ постоянной репродукціи самого себя. По этому организмъ можетъ существовать только подъ постояннымъ вліяніемъ наружныхъ силъ; — сущность органической жизни состоитъ въ воспріимчивости, производящей дѣятельность и въ дѣятельности, производимой воспріимчивостію. Это есть возбуждаемость, способность возбуждаться, или репродуцировать самого себя, противодействуя наружнымъ вліяніямъ. По этому организмъ есть свой собственный объектъ. Постоянное возстановленіе въ немъ первоначальной двойственности, какъ основанія жизни всей природы, препятствуетъ обращенію его въ абсолютное единство, въ смерть (Homogeneitas) и за-

ставляетъ его быть непрестанно собственнымъ своимъ объектомъ. Постоянное возстановленіе двойственности, препятствующее органической дѣтельности теряться въ ея продуктъ, — есть функция наружныхъ раздраженій. Такимъ образомъ внутреннія условія, факторы жизни, заключаются въ понятіи возбуждаемости; — наружныя же причины ея въ непрерывномъ вліяніи наружныхъ раздраженій. Ближайшая причина возбуждаемости есть вліяніе высшей наружной причины, исходящей изъ высшаго динамическаго порядка, которому подчиненъ весь наружный міръ. Безъ дѣйствія ея организмъ, вмѣсто постоянной репродукціи, разрушался бы отъ вліянія наружныхъ раздраженій. Причина возбуждаемости не зависитъ отъ возбуждающихъ потенцій, — возбуждаемость должна имѣть первоначальную самостоятельность (*ursprüngliche Selbstständigkeit*). Но возбуждаемость узнается только въ возбужденіи, только потому, что она вызывается возбуждающими потенціями; безъ нихъ, въ своей самостоятельности и независимости, она мертва, безъ обнаруженія. Будучи ими вызвана, она ими же опредѣляется, т. е. увеличивается съ уменьшеніемъ раздраженій и уменьшается съ увеличеніемъ ихъ.

Причина возбуждаемости самостоятельна и дѣтельна сама собою вездѣ, гдѣ только даны ея условія. Такія причины находятся въ природѣ,

и дѣтельность ихъ опредѣляется степенью, въ которой даны ихъ условія. Таковы напр. свѣтъ, электричество и подобныя имъ; мы не въ силахъ дѣйствовать на ихъ источникъ, но можемъ изменить ихъ условія. Причина возбуждаемости сходна въ этомъ отношеніи съ причиною свѣта: объ онъ самостоятельны и принципы ихъ лежатъ не въ сферѣ земли, а въ высшей динамической сферѣ. Разница между ними только та, что общія причины при извѣстной организаціи вселенной не могутъ быть истощены. Напротивъ того возбуждаемость опредѣлена для каждаго органическаго недвѣннаго, даже для каждаго момента бытія его, — слѣд. источникъ ея истощимъ. Такимъ образомъ при увеличеніи условій, при которыхъ возбуждаемость является дѣтельною, она уменьшается, и обратно она увеличивается чрезъ то, что эти условія (т. е. раздраженія) ослабляются. *Erregbarkeit steht immer im umgekehrten Verhältnisse des Reizes, der Reiz im umgekehrten Verhältnisse der Erregbarkeit.*

Возбуждаемость есть сложный факторъ; въ понятіи ея лежатъ два фактора: чувствительность и раздражительность; только эта двойственность дѣлаетъ возможнымъ нарушеніе правильныхъ отношеній возбуждаемости. Чувствительность есть органическая воспримчивость, какъ причина органической дѣтельности; раздражительность есть органическая способность реакціи, сама органи-

ческая дѣятельность, основанная на воспріимчивости. Оба эти факторы другъ другу противоположны въ обнаруженіяхъ своихъ: когда одинъ падаетъ, то другой поднимается. Это идетъ до известной границы;—за нею при паденіи одного фактора уже не поднимается другой,—но они оба падаютъ. Жизнь лежитъ между этими отношеніями двухъ главныхъ факторовъ своихъ. «Я видѣлъ», говоритъ Бровнъ, «что увеличеніе силы и возбужденія идутъ равнымъ шагомъ до известной точки;—наконецъ наступаетъ время, когда сила и возбужденіе теряютъ этотъ равный ходъ, и сила переходитъ въ ложную слабость». Между этими границами Шеллингъ размѣстилъ звенья органической цѣпи природы, поставивъ на высшей точкѣ, у перевѣса чувствительности, чело-вѣка, а тамъ, гдѣ чувствительность совершенно исчезаетъ для явленія и раздражительности близка къ нулю,—растенія, съ ихъ астеническою натурой.

Цѣльный продуктъ возбужденія (возбуждаемость, какъ цѣлое) не измѣняемъ, и не долженъ быть таковымъ: иначе не возможна измѣняемость отдѣльныхъ противоположныхъ факторовъ его. Чѣмъ меньше возбужденіе внутрь, тѣмъ болѣе должно оно быть наружу. При дѣйствіи сильныхъ раздраженій, возбужденіе терлетъ въ возбуждаемости столько, сколько оно выигрываетъ въ раздраженіи, слѣд. продуктъ возбуждаемости

остается неизмѣннымъ въ цѣльности своей. Если уменьшается одинъ ея факторъ—чувствительность, то другой,—раздражительность, столько же выигрываетъ. На сколько опадаетъ сила возбуждаемости, на столько же поднимается возбужденіе ея. Состояніе Энергіи, усиленной раздражительности,—есть Стенія; упадокъ раздражительности, увеличеніе возбужденія, чувствительности—Астенія.

Чувствительность ничѣмъ не отличается отъ раздражительности въ состояніи организма, изолированного (еслибъ это было возможно) отъ наружныхъ раздраженій. Только при раздраженіи онѣ отдѣляются одна отъ другой. Такъ какъ болѣзнь есть явленіе жизни, и производится только дѣйствіемъ наружныхъ раздраженій, то факторы возбуждаемости должны въ ней отдѣляться другъ отъ друга. Такъ какъ они противоположны другъ другу, то, при взаимномъ отдѣленіи ихъ, должно необходимо происходить нарушеніе въ отношеніяхъ ихъ: раздражительность, или энергія возбуждаемости, должна возвышаться по мѣрѣ упадка чувствительности, или воспріимчивости возбуждаемости, и обратно; и на этомъ обратномъ, взаимномъ, упадкѣ и возвышеніи двухъ факторовъ возбуждаемости—основывается болѣзнь. По этому она можетъ быть только стеническою или астеническою,—т. е. болѣзнію возвышенной воспріимчивости и ослабленной энергіи возбуж-

даемости, или болѣзнию ослабленной воспримчивости и возвышенной энергіи ея. Третій планъ, по Шеллингу, долженъ состоять изъ тѣхъ видовъ болѣзненнаго состоянія, гдѣ возвышеніе раздражительности не идетъ болѣе параллельно съ упадкомъ чувствительности,—это болѣзни ложной слабости способности противодѣйствія.

Возможность проявленія болѣзни въ живущемъ организмѣ основывается на измѣняемости отношеній между двумя факторами возбуждаемости, какъ внутренней причины жизни. Результатъ нарушенія ихъ взаимныхъ отношеній есть *Степія* и *Астенія*, производящія болѣзни, — чрезъ измѣненія въ организмѣ, какъ объектѣ. Болѣзни появляется только тамъ, гдѣ организмъ измѣняется, какъ объектъ: *So lange nicht der Organismus, als Object, ein anderer erscheint, ist er nicht krank*. Но какъ объектъ, онъ существуетъ только въ извѣстной пропорціи факторовъ возбуждаемости, — весь кругъ его ограниченъ, заключенъ, въ воспримчивости и дѣятельности. Все разнообразіе строенія органической природы условлено упадкомъ и возвышеніемъ этихъ двухъ факторовъ жизни, — организація и строеніе недѣлимаго обуславливается ими же. Существованіе есть постоянное репродуцированіе; — каждое недѣлимое требуетъ для него извѣстной степени воспримчивости и извѣстной энергіи, стоящихъ въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Внутри

извѣстнаго пространства взаимныя отношенія этихъ двухъ факторовъ не производятъ въ объектѣ организма никакого измѣненія. Но если они перешли эту границу, то существованіе продукта затрудняется, и это затрудненіе, эту борьбу существованія съ нарушенными отношеніями факторовъ жизни, — организмъ чувствуетъ, какъ болѣзнь.

Всѣ органическія функціи подчинены чувствительности; она есть посредствующее, орудующее для всѣхъ ихъ; съ другой стороны, болѣзни возможны только потому, что онѣ поражаютъ послѣдній источникъ жизни. На основаніи этихъ двухъ положеній, мы должны принять, что чувствительность есть мѣсто всѣхъ болѣзней. А такъ какъ она не существуетъ непосредственно, а только посредственно въ объектѣ своемъ (въ обнаруженіяхъ раздражительности), такъ какъ упадокъ ея возможенъ только при возвышеніи раздражительности и обратно: то всѣ болѣзни, на первой степени ихъ явленія, суть болѣзни раздражительности.

Явленія репродукціи организма определяются высшими факторами жизни и болѣзни, — потому репродуктивная сила должна сострадать при измѣненіяхъ ихъ отношеній. И на этомъ основанъ кажущійся специфическій характеръ болѣзней; — изъ двухъ первоначальныхъ основныхъ болѣз-

ней—истекаетъ все разнообразіе формъ ихъ. Для объясненія его Шеллингъ не принимаетъ качественного пораженія раздражительности, допуская, что одно количественное, градуальное, измѣненіе ея необходимо влечетъ за собою измѣненіе репродукціи и чувствительности.

Понятіе болѣзни совершенно относительно, какъ потому, что оно имѣетъ значеніе только для органическаго продукта природы, такъ и потому, что оно условлено извѣстною степенью раздражительности недѣлимаго при равныхъ условіяхъ. Съ той степенью этого фактора жизни, при которой страдаетъ растеніе, поливъ могъ бы быть здоровъ; съ той степенью раздражительности, при которой извѣстный организмъ чувствуетъ себя больнымъ, организмъ ниже его могъ бы чувствовать себя очень хорошо. Для постоянной репродукціи извѣстнаго организма необходима извѣстная степень раздражительности: она сохраняетъ его отъ нападеній вѣшней природы и репродуцируетъ объектъ противъ враждебныхъ вліяній ея.

Причины болѣзни не могутъ лежать въ самой возбудимости, потому что она самостоятельна; онѣ лежатъ въ отношеніяхъ ея къ возбуждающимъ потенціямъ. По этому и лекарства не могутъ дѣйствовать прямо на возбудимость, какъ на самостоятельное, лежащее внѣ динамической

сферы и неподчиненное сродству земли. Снаружи до возбудимости не достигаетъ никакое дѣйствіе, но чрезъ измѣненіе причинъ возбужденія измѣняется и возбудимость. По этому практическая медицина возможна.—Принципомъ ея должно служить положеніе, что на силу репродукціи (какъ основаніе формы болѣзни) должно дѣйствовать посредствомъ высшихъ факторовъ, которымъ она подчинена;—а на чувствительность (какъ послѣдній источникъ жизни)—чрезъ раздражительность;—слѣд. раздражительность есть единственное звено, чрезъ которое можно дѣйствовать на весь организмъ. Условія процесса ея должны быть изслѣдованы опытомъ. Хотя онъ не есть чисто химическій, но тождествененъ въ условіяхъ своихъ съ процессами химическимъ и электрическимъ.

Такъ выразилась идея болѣзни въ концѣ прошедшаго и началѣ нашего столѣтія и выраженіе это отнюдѣ нельзя считать послѣдовательнымъ результатомъ постепеннаго развитія наукъ, входящихъ въ обширный составъ медицины. По появленію своему, оно также произвольно, какъ бесплодно по содержанію. Но тѣмъ не менѣе ученіе Витализма совершенно измѣнило направленіе Врачебной науки и подало поводъ къ образованію множества медицинскихъ системъ. Röschlaub на пространствѣ 1½ года пользовался слабкою возобновителемъ медицины и замѣнилъ Бровна, котораго онъ дополнилъ изъ философіи Шеллинга;

Kilian — вытѣснилъ ученіе Röschlaub'a, Troxler — Kilian'a, Fries — Troxler'a и т. д. Много было въ это короткое время жаркихъ послѣдователей каждаго изъ основателей теорій Витализма: Dömling, Ritzer, J. J. Wagner, Darwin, Steffens, Wolff, Link, Görres, Eschenmayer, Breinersdorf, Osthoff, Walter, Hegewisch, F. Marcus, Kieser, D. Paulus, Moscati, Weikard и др. принадлежать сюда. Изъ сочиненій ихъ видно, какъ безъ основательнаго образованія, безъ философской пропедевтики, трудно прямо перейти къ ученію спекулятивной физики и медицины. Должно ли припоминать результатъ этого направленія въ наукѣ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ оставленнаго? Отвергая потребность объективнаго изслѣдованія природы, подчинивъ явленія чувственнаго міра произволу фантазій, — оно должно было наполнить науку произвольными умозрительными положеніями, и потезами, выводами натянутыми и безплодными. Не въ объективномъ знаніи природы и человѣческаго организма, а въ способности самопознанія Витализмъ почерпалъ положенія свои, принимая представленія фантазій за вещественное, дѣйствительно-существующее и плоды умственного созерцанія за непосредственное знаніе. — Отъ того на всякой страницѣ этой медицины мы встрѣчаемъ далекія отступленія отъ истины, противорѣчія опыту и наблюденію, — вымыселъ и произволъ построенія законовъ науки. Иногда факты, доказанные опытомъ и общимъ наблюденіемъ въ ней,

произвольно отвергаются, чтобъ дать мѣсто вымышленнымъ положеніямъ. Такъ въ натуральной философіи Гегеля (изд. Michelet, 1842) мы до сихъ поръ находимъ, что въ крови нѣтъ шариковъ, что существованіе ихъ вымышленно, основано на ложномъ наблюденіи, и что они появляются тогда только, когда кровь, вылившись изъ тѣла, находится въ прикосновеніи съ атмосферой (стр. 576). Невольно приходятъ въ память слова Шеллинга, обращенныя имъ противъ рациональныхъ наблюдателей: «Das Characteristische dieser Foule und der ihr angeborenen Bestialität, dass sie keine Achtung hat weder für die Zeit, noch für die Nachwelt, nicht für Ideen, oder das Genie, das sie erzeugt, noch das Talent, das sie darstellt ⁶¹⁾». Или мѣстами въ этомъ ученіи разбросаны факты, но они такъ ограничены въ приложеніяхъ своихъ, такъ общи и поверхностны, что «наблюденіе и опытъ должны бы были быть слишкомъ невѣжливы, еслибъ они рѣшились противорѣчить ихъ скромнымъ притязаніямъ» (Fries). Главный же недостатокъ медицины, основанной на натуральной философіи, есть тотъ, что въ положеніяхъ ея, критеріи истины замѣнены игрою воображенія, все комбинирующаго и вездѣ отыскивающаго сравненія и аналогіи. Онѣ-то замѣняютъ въ ней и философію науки и фактическія основанія ея положеній и законовъ, хотя въ сущности онѣ ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ метафорическихъ сравненій, которыя мы находимъ на

каждой страницъ сочиненій Парацелса. Такъ напр. «Жеваніе пищи есть отравленіе ея, — а отравленіе — выравниваніе полюсовъ крови. — Питательная кашка есть отравленное вещество. — Болѣзни кожи производятъ яды кожи или слюну ея. — Слюна есть ядъ кишекъ. Вкусъ есть перевариваніе соли. Голодъ есть высшая степень окисленія желѣза, жажда — его разокисленіе. Морская соль и языкъ одно и тоже. Соль есть послѣдній конецъ языка. Носъ есть электрофоръ. — Металлы суть ухо природы, соль ея языкъ, смола ея носъ, земля ея рука». Сюда же относится безчисленное множество неопредѣленныхъ формулъ, которыми послѣдователи натуральной философіи въ медицинѣ опредѣляютъ все въ организмъ и природу. Основаніемъ ихъ служитъ произвольная связь категорическаго дробленія явленій природы и понятій, — иногда и того нѣтъ: два или три отдѣльныя понятія соединяются другъ съ другомъ знакомъ равенства; значеніе его, степень и видъ отношенія между этими сравниваемыми предметами и выводы, основанные на этомъ сравненіи, предоставляются произволу каждаго. Такъ напр.

Spontaneitas = Anima mundi.

Spontaneitas = Irritabilitas.

Irritabilitas = Electricitas = Processu selectricus.

Чувствительность = причина магнетизма = магнетизмъ.

Человѣкъ = $+\infty 0 - \infty$.

Животное = $+n 0 - n$.

Субъектъ самопознаванія = $+0 -$.

Объекты = $\infty + 3 + 2 + 1 + 0 - 1 - 2 - 3 - \infty$.

Кость = оцѣпенѣвшее сердце и т. под.

Не трудно видѣть всякому, что эти сравненія сообщаютъ намъ одни проблематическія представленія, ничего необясняющія и ближе граничащія съ невѣжествомъ, чѣмъ съ знаніемъ. Какъ упрекъ наукъ, они выражаютъ степень нашего незнанія во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которыхъ не суждено рѣшить уму человѣка. Но на безплодномъ сборѣ ихъ, на произвольно построенныхъ основныхъ положеніяхъ Космогеніи и Біологіи, основалась трансцендентальная идея болѣзни и Теорія Витализма до сихъ поръ еще не совсѣмъ вытѣснена изъ медицины. Полвѣка Шеллингъ и послѣдователи его употребили на то, чтобы построить à priori законы жизни природы и человѣка, на которыхъ должно основываться ученіе медицины, и кто не знаетъ результатовъ этой философіи въ наукъ? Наши Физіологіи, Патологіи, Терапіи, и особенно Фармакодинамики, до сихъ поръ носятъ на себѣ печать этого неудачнаго періода медицины. Въ физіологіяхъ еще многое въ человѣкѣ объясняютъ магнитнымъ моментомъ, динамическою силою, динамизмомъ двойственности; и недавно еще въ одной изъ нихъ мы читали, что глотаніе есть слѣдствіе устройства машины

безъ намѣренія (Das Schlucken ist Folge einer Maschineneinrichtung ohne Absicht), что *пищевареніе есть процессъ растительнаго прозябанія* (Magenverdauen ist ein Pflanzenkeimungsprocess), и много подобнаго. Въ Патологіи мы до сихъ поръ находимъ ученіе о темпераментахъ, укрѣпленное цитатами изъ Гелена и Гиппократы, — Телеологию кризисовъ, онтологическія картины болѣзней, — изложеніе вѣчной борьбы организма съ планетарнымъ принципомъ, эгоистическое начало организма и т. п. Какова же должна быть практическая сторона этой медицины! Если все въ природѣ основалось на произвольной игрѣ несуществующихъ силъ — и книга вѣчной мудрости такъ объяснилась и усвоилась послѣдователямъ натуральной философіи, что они à priori конструировали самую систему планетъ и опредѣляли степень плотности и тяжести созвѣздія, то уже легко было найти тайны дѣйствія лекарствъ на тѣло человѣка. Какъ произведенія природы, и они должны быть проводниками извѣстной дѣятельности ея; между ими и цѣлью мірозданія должны существовать отношенія болѣе или менѣе существенныя и возможныя. Трансцендентальная медицина одѣла ихъ въ поэтическія формы, дѣйствіе самыхъ простыхъ лекарствъ объяснило метафорическими сравненіями и аналогіями ихъ съ разными видами главныхъ факторовъ въ природѣ, — и изъ безграничнаго сборника частію произвольныхъ, частію ложно и неосновательно вы-

веденныхъ изъ фактовъ положеній о дѣйствіи лекарствъ, составила Фармакодинамика — медицинскій романъ XIX столѣтія. Она останется будущимъ поколѣніямъ еще на долго, какъ одинъ изъ самыхъ убѣдительныхъ упрековъ Врачебной наукѣ XIX вѣка. Въ ней мы находимъ *лекарства, ослабляющія жизнѣдѣтельность, уменьшающія дѣятельность всѣхъ движеній раздраженія, нарушающія естественный порядокъ однихъ послѣдовательныхъ движеній раздраженія (invertentia), возвращающія назадъ правильный порядокъ разстроенныхъ послѣдовательныхъ движеній раздраженія (revertentia) и т. д.* Въ ней читаемъ мы слѣдующія положенія:

«Наркотическіе яды дифференцируютъ организмъ на сторону тяжести, какъ это видно изъ ихъ гипнотическаго дѣйствія. Яды животныя дифференцируютъ его на сторону свѣта, какъ это видно изъ признаковъ водобоязни».

«Если есть возбуждающее половую силу, — должны же быть специфическія лекарства для всѣхъ органовъ, — то это непременно ядъ бѣшеной собаки. Всѣ средства, употребляемыя до сихъ поръ для возбужденія половой силы, содержатъ азотъ; — происхожденіе бѣшенства животныхъ основывается на неудовлетворенной половой похоти; — пораженіе шен указываетъ, что половые органы, находящіеся съ ней въ сродствѣ, у этихъ жи-

вотныхъ наполнены съменемъ, и въ самомъ дѣлѣ находится сильный пріапизмъ у умершихъ отъ водобоязни!»

«Валеріана, Змѣвикъ, Арника—суть представители принципа земли и дѣйствуютъ на репродукцію своимъ магнитнымъ отношеніемъ».

«Опіумъ выражаетъ растительную жизнь въ организмъ».

«Дѣйствіе селитры, при воспаленіи легкихъ, основано на томъ, что она репродуцируетъ легкія въ легкихъ;—какъ селитра вызываетъ легкія, такъ ртуть печень и мускусъ мозгъ.—Селитра есть артерія въ артеріальности,—ртуть—артерія въ везности,—мускусъ—артерія въ нервной системѣ».

«Какъ соли вызываютъ (hervorrufen) артеріи, металлы вены, цвѣты нервы,—такъ коры растеній вызываютъ лимфатическую систему. Хина вылечиваетъ лихорадку потому только, что она непосредственно вызываетъ лимфатическую систему».

«При выкидышѣ должно дѣлать больной кровопусканія для того, чтобы очистить въ тѣлѣ мѣсто для раздраженій» (damit die Reize im Körper Platz kriegen).

«Сладкая ртуть есть одно изъ самыхъ летучихъ раздраженій».

Знакомые съ текущею литературою медицины не могутъ упрекнуть меня въ томъ, что я вызываю на сцену заблужденія прошлаго времени. Они до сихъ поръ еще имѣютъ много терпѣливыхъ и упорныхъ защитниковъ и служатъ основаніемъ многихъ методовъ леченія. Фантомъ Витализма еще скитается по Европѣ, и даже не совсѣмъ прѣшли порывы основывать на немъ медицинскія теоріи. Общее направленіе къ построенію системъ нигдѣ такъ сильно развито, какъ между медицинскими учеными,—но трансцендентальныя основанія науки особенно разполагаютъ къ нему. Послѣдователи ихъ невольно впадаютъ въ ту жалкую ограниченность умственной дѣятельности, которая позволяетъ приписать къ нимъ слова Goldschmith'a: «Wenn sie schustern gelehrt hätten, sie würden ihr Lebtag nur Schuhe geflickt, aber niemals neue gemacht haben».

Трансцендентальная идея болѣзни укрѣпила эмпиризмъ въ медицинѣ, отказавшись отъ выводовъ наблюденій предшествовавшихъ вѣковъ и замѣнивъ ихъ ученіемъ Витализма. Врачебная наука потеряла научное основаніе свое. Практическая сторона ея обратилась въ грубую эмпирию, основанную на произвольныхъ выводахъ

изъ положеній произвольныхъ и противорѣчащихъ другъ другу;—сторона теоретическая ограничилась спекулятивнымъ изложеніемъ Біологіи, Космогеніи и Физики, и, увлеченная въ созерцаніе отдаленныхъ и высокихъ предѣловъ міра,—не могла положить основаній науки, ни дать ей выводовъ, которые были бы полезны своими примѣненіями.

Легко видѣть, что эта идея болѣзни построена на положеніяхъ, противорѣчащихъ другъ другу,—и что потому она не имѣетъ даѣе достоинства логической правильности. Шеллингъ говоритъ: «въ самомъ организмѣ нѣтъ основанія болѣзни; слѣд. оно должно лежать внѣ организма.—Все неорганизованное мы должны считать за лежащее внѣ организма, слѣд. и жидкости, въ немъ обращающіяся; онѣ не принадлежатъ къ субъекту организма, слѣд. не могутъ быть субъектомъ болѣзни». Изъ этихъ двухъ положеній слѣдуетъ, что

- 1.) Основаніе болѣзни лежитъ внѣ организма.
- 2.) Субъектомъ болѣзни можетъ быть только субъектъ организма.
- 3.) Субъектомъ болѣзни не могутъ быть жидкости организма, потому что они не организованы.

4.) Жидкости, обращающіяся въ организмѣ, лежатъ внѣ его.

5.) Субъектъ болѣзни организованъ.

Если жидкости, обращающіяся въ организмѣ (и слѣд. лежащія внѣ его), не могутъ быть субъектомъ болѣзни, потому только, что онѣ не принадлежатъ къ субъекту организма,—то также точно и твердыя части тѣла не могутъ быть субъектомъ болѣзни. И онѣ не принадлежатъ къ субъекту организма: субъективное, разсматриваемое какъ что-то вещественное, есть нѣчто абсолютно-внутреннее;—оно можетъ показаться объективнымъ только въ организмѣ, какъ въ объектъ, но не само по себѣ. По этому болѣзнь въ организмѣ чловѣка не можетъ имѣть субъектомъ своимъ ни жидкія, ни твердыя части,—что же поражаетъ она? Если твердыя части, эта высшая степень органической кристаллизаціи,—не могутъ принадлежать къ субъекту организма,—какъ не абсолютно-внутреннее его,—то и ихъ мы должны считать, по Шеллингу, неорганизованными,—и онѣ должны лежать внѣ организма,—изъ чего же составляется организмъ?—Субъектъ организма, по Шеллингу, есть воспріимчивость его,—положительный принципъ жизни,—основной источникъ индивидуальности,—абсолютно-внутреннее организма.—Она одна можетъ быть субъектомъ болѣзни, — и только на нее дѣй-

ствуя, можно дѣйствовать на организмъ. — Но субъектъ болѣзни организованъ, слѣд. и *восприимчивость организма* должна быть организована; — или она не можетъ быть субъектомъ болѣзни, не смотря на то, что она одна составляетъ субъектъ организма. — Чтожъ такое восприимчивость сама по себѣ? «Она истекаетъ изъ абсолютнаго съ первоначальной двойственностію, которая является въ природѣ, какъ магнитная сила, слѣд. магнитная сила есть физическій представитель раздвоенія абсолютнаго и принципъ восприимчивости.» Принявши такимъ образомъ, что восприимчивость есть продуктъ магнитной силы, система Витализма даетъ намъ право искать въ магнитѣ источника жизни, принципа чувствительности живаго тѣла, — субъекта организма и болѣзни. Допустивъ это, мы должны допустить, что магнитная сила организована, — субъектъ болѣзни долженъ же быть организованъ. — И между тѣмъ Шеллингъ выдаетъ тождество магнитной силы съ восприимчивостію за аксіому: «Der allgemeine Magnetismus ist das, was der Sensibilität in der Aussenwelt entspricht, od. dieselbe letzte Ursache; welche in allgemeiner Natur Ursache des allgemeinen Magnetismus ist, ist Ursache der Sensibilität der organischen Natur. Dieselbe Ursache, welche den ersten Funken der Heterogenität in die Natur geworfen hat, hat in sie auch den ersten Keim des Lebens geworfen und was Thätigkeitsquelle in der Natur überhaupt ist, ist auch Lebensquelle in der Natur⁵²).»

Въ другомъ мѣстѣ принципъ жизни организма Шеллингъ полагаетъ въ жидкостяхъ его, въ тѣхъ самыхъ сокахъ, которые, какъ мы видѣли, онъ признаетъ неорганизованными и лежащими внѣ организма. «Природа», говоритъ онъ⁵³), «дала всему живущему жидкости, какъ существенный элементъ жизни, какъ самое внутреннее жизни; — собственно чрезъ нихъ только тѣло, являющееся вездѣ въ прочихъ частяхъ сосудомъ и скелетомъ, — дѣлается одушевленнымъ». Какъ же соединить съ этимъ положеніемъ то, что жидкости, обращающіяся въ организмъ, лежатъ внѣ его; — это также странно, какъ и то, что въ нашемъ вѣкъ послѣдователи натуральной философіи утверждаютъ, что кровь не организована, что шарики ея являются, какъ признакъ разрушенія, тогда, какъ на каждомъ шагѣ лежатъ опроверженія этой мысли.

Въ системѣ, составленной на спекулятивномъ созерцаніи природы, на категорическомъ представленіи законовъ ея — должна бы по крайней мѣрѣ быть извѣстная степень правильности въ построеніи предложеній. — Но и въ этомъ отношеніи ученіе Витализма не выдерживаетъ критики: во всей теоріи болѣзни Шеллинга субъектъ реальный, физическій, смѣшивается съ субъектомъ логическимъ.

Если философія будетъ учить врача выгодно

обрабатывать и усвоивать запасъ эмпирическихъ свѣдѣній,—если она дастъ ему понятіе о границахъ науки; научить вѣрно цѣнить открытія опыта и приводить ихъ въ единство и систематическую связь,—если она укажетъ намъ пробѣлы въ этой связи и путь къ пополненію ихъ,—научить правильному примѣненію опытныхъ свѣдѣній и означить границы, въ которыхъ оно должно держаться:—то пусть эта философія сдѣлается основаніемъ медицины,—какъ принимали ее Баконъ, Вольфъ, Кантъ и Фрисъ. Но того ли думалъ достигнуть Витализмъ своими мечтаніями о мірѣ, произвольно созданномъ, идеальномъ,—построеніями законовъ природы à priori,—и безуспѣшными поисками высшаго принципа Врачебной науки?

Непосредственно съ трансцендентальною идеею болѣзни граничить теорія болѣзни новой школы медицины. О ней, какъ о неоконченномъ дѣлѣ науки,—мы будемъ говорить отдѣльно въ другомъ мѣстѣ.

С И Т А Т А.

1. Quitzmänn.—Geschichtliche Entwicklung der Parasiten-Theorie. 1843.

2. Изъ нихъ особенно замѣчательны: Themison, Thessalus, Tullius Bassus, Niceratus, Petronius, Diodotus, Sextius Niger, Eudemus, Procalus, Leonides, Attalus, Magnus, Agathinus, Archigenes, Julianus.

3. Libri XIII de medecina methodica. 1611. Paduae, fol. 1719. Basil.

4. Fundamenta Medica. Libr. IV. Utrecht. 1646. 4°.—Baillet—Vie de M^r des Cartes. p. 234.

5. По свидѣтельству Heidenreich Overkamp'a, Bonteköe ввелъ въ Германіи употребленіе кофе и чаю, и за то получилъ званіе Лейбъ-Медика Бранденбургскаго Курфирста и Профессуру въ Франкфуртѣ на Одерѣ.

6. Sanitas consistit in partium fluidarum temperie et legitima, secundum minimas particulas, mixtione et in canaliculorum et tubulorum debita stabilitate, conformatione et usu.

7. Coelius Aurelianus. Chr. II. c. 14.

8. Напримѣръ: Ego vocatus pro una muliere.... quæ cum esset in partu, jam loquelam amiserat et operationem intellectus, veluti mortua resupina jacebat, oculis apertis, sine sensu et motu. Tetigi et inveni pulsum magnum, plenum et fortem. Habebat penes se chirurgum, qui expectabat, ut arte embryonem extraheret. Jussi eam sedere in decoctione pulegii regalis decenter calida et dari per os, dum in ea sederet, 3 dictamni cum vino cocto. Dixi chirurgus, ut in ejus aurem diceret: *Su, ca, midur* et statim peperit filium sanum, et ipsa, Deo favente, sana facta est. (Lib. XV. c. IX. p. 342).

9. Tractatus de Amuletis. Cap. 4.

10. Characteromantia.

11. Thesaurus theoretico-practicus. p. 12.

12. Paulini.—Zeitkürz. erbaul. Lust. Part. III. Art. 48.

13. Meiner.—Historische Vergleichung der Sitten des Mittelalters. T. III. p. 291.

14. Wechselhälge und Kielkröpfe leget der Satan an der rechten Kinder Statt, damit die Leute geplaget werden; etliche Mägde reißt er oftmals in Wasser, schwangert sie und behält sie bei sich, bis sie des Kindes genesen, und leget darnach dieselben Kin-

der in die Wiegen, nimmt die rechten Kinder draus und führet sie weg. Colloquia mensualia. Cap. IX vom Teuffel und seinen Werken. fol. 87. 1571.

15. Торжественная рѣчь его объ этомъ порошкѣ, сказанная въ Монпелье, издана Д-ромъ Нирка, 1660. 8. и Strusius'омъ 1660. 12°.

16. Jacobus Cujacius, Ioannes Brentz, Caspar Borcholt, Графъ Niuwenar, Agobard, Reginald Scott, Cornelius Loos, Doctor Flade Dietrich, Balthazar Becker, Peter Bayle, Christian Thomasius, Webster, Gabriel Naudé.

17. Псейдонимы Leo Suavius и della Scalla. Jean Bodin, Wilh. Ad. Scribonius, Peter Binsfeld, Nic. Remigius, Torreblanca, Король Іаковъ 1, Авторъ Демонологии, Joseph Glanvil и мн. др., особенно Юристовъ Протестантскихъ и Католическихъ Университетовъ, вплоть до начала XVIII столѣтія. См. Soldau,—Geschichte der Hexenprocèsse. 1843. Stuttgart und Tübingen. 8°.

18. Freundschaftliche und vertrauliche Briefe den sogenannten sehr berühmigten Hexenhandel zu Glarus betreffend. Von H. L. Lehmann. Zürich. 1783.

19. Scholtz.—Ueber den Glauben an Zauberey in den letzt verflossenen vier Jahrhunderten. Breslau. 1830. p. 120.

20. Quodsi vobis non fuerit Graecarum literarum nota facundia, in primis habetis herbarium Dioscoridis, qui herbas agrorum mirabili proprietate disseruit atque depinxit. Post haec legite Hippocratem atque Galenum, latina lingua conversos..... deinde Caelii Aureliani de Medicina et Hippocratis de herbis et curis, diversosque alios de medendi arte compositos, quos vobis in bibliothecae nostrae sinibus reconditos Deo auxiliante reliqui. Lect. divin.

21. Guy Patin Lettres. 395. 310. p. 610. Vol. 11.

22. Opera omnia. Argentor. 1616—1618. 3 volum. fol. Edit Huseri.—Nun habe ich am ersten den alten Schriften gewaltig den Glauben gegeben und die gleich dem Evangelio gehalten, und nicht zugegeben, dass sie besser zu machen sey, habe aber nicht verstanden, dass dieser Glauben auf einem Sand gestellt ist worden. (1. 633).

23. 1. 25. 43. 78. 266. 362. 608. Die Juden haben sich der Arznei hoch berühmt, dass sie die älteste Arznei haben: sie sind auch die ältesten Schelmen unter allen Nationen. 1. 256. Galenus und Avicenna sind Klapperleut. 1. 360. и т. под.

24. Nicht als die sagen, Alchymia mache Gold, mache Silber; hie ist das Fürnehmen: mach arcana und richte dieselbigen gegen die Krankheit. 1. 220.

25. So weise ich Euch doch nichts anders in die Alchymei, als allein zur Bereitung der Magnalia, zu auszuziehen die Mysteria, zu bereiten die Arcana, zu Scheiden das Rein vom unreinen, auf dass du habest eine lautere reine Arznei, eine vollkommene, eine gewisse. (III. 76).

26. Zum andern in Wörtern gesprochen, od. geschrieben, doch nicht dass die Schrift dem Worte Kraft gebe, sondern die himmlische Influenz. 1. 31.

27. So wir sehen, was das ist, so ist eitel Lappenwerk, ohne Nutz und Frucht, Verderbung an Leib und Seel, an Gesundheit, Lob, an Ehren, nichts als Verführung und Betrug und Kunst, die auf Betrug gegründet sind. II. 192.

28. Was also zum Hirne gehört, wird zum Hirne durch Lunam geführt, was zum Milze gehört, wird zum Milze durch den Saturnum geführt, was zum Herzen gehört, wird durch Solem zum Herzen geleitet, und also durch Venerem zu den Nieren, durch Jovem zu der Leber, durch Martem zur Gallen. 1. 220.

29. Daher sei der corporalische Leib der Arznei erst auf den spiritualistischen zurückzuführen, um sie zur Vollendung ihrer specifischen Kraft zu bringen. 1. 278.

30. Im Menschen liegt der junge Himmel, d. i. alle Planeten haben in Menschen ihre gleiche Ansehung und Signatur und ihre Kinder und der Himmel ist ihr Vater, denn der Mensch ist nach Himmel und Erden gemacht, denn er ist aus ihnen gemacht.— 1. 212. 15. 242. 277.

31. Subitaneum Blas enim et portentosum in aëre comitatur (87. 17.)..... Motus tamen et medium sunt potentiae diabolicae (87. 19.) Van Helmonti—Opera. Francf. 1682. 4°.

32. Sal autem extra ad cadi, vel testæ labrum, de foris appositus, avertit tonitru effectus. Debile sane resistens tanta agenti, si in natura resistens agenti debeat prævalere. At quid? *Cacodaemon Salem odit* и пр. (88. 22.)

33. Verum etiam ipsum Naturæ Parentem videtur accusasse, quasi odii rixarumque factorem, fautoremque: adeoque totus universus tantum esset hostilitatis hospitium, perpetuum duellum, ac vera erynias, nusquam sui Creatoris typum exprimens (165. 37).

34. Fr. Hoffmann.—Systema Medicinæ rationalis.

35. Franz Glisson.—De ventriculo et intestinis. 1671.

36. A. v. Haller.—Elementa Physiologiae. Tom. IV. 4 par. 456. § IX. Lausan.

37. Ib. p. 468. § XV.

38. Nervenlehre § 187. Muskellehre § 25. 26.

39. Instit. phys. § 307. 308.

40. Block.—Neue Grundlegung zur Theorie der Heilkunde. Bracmschweg 1803.

41. G. Schmidt.—Ideen zu einer Physik der organischen Körper und der menschlichen Seele. Berlin. 1803. 8°.

42. Becker.—Neue Untersuchungen über die Lebenskraft organischer Körper. Liegnitz und Leipzig. 1802.

43. Pfaff.—Grundriss einer allgemeinen Physiologie und Pathologie. Kopenhagen. 1801.

44. J. Brown.—Elementa Medicinæ.

45. F. Marcus.—Magazin für specielle Therapie und Klinik. 1. 1. 1802. Jena.

46. Brown.—Elementa Medicinæ, изд. Pfaff'a. § 18.

47. J. D. Brandis.—Versuch über die Lebenskraft.
1795. 8°. Hannover.

48. Eckartshausen.—Ideen über das affirmative
Princip des Lebens, und das negative Princip des
Todes, zur Bestätigung des Brown'schen Systems.
1798. 8°. Leipzig.

49. Schelling.—Weltseele. p. 201.

50. Schelling.—Erster Entwurf eines Systems der
Naturphilosophie. Jena und Leipzig. 1799. p. 254. 2 80.

51. Zeitschrift für speculative Physik. 1. 168.

52. Schelling. Entwurf. p. 251 u 253.

53. Weltseele p. 266.

8223